

**К ВОПРОСУ О «ПОГРЕБАЛЬНОМ КОМПОНЕНТЕ»
БОЛЬШЕМЫССКОЙ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

В статье рассматриваются проблемы соотношения древнейших могильников лесостепного Алтая и Кузнецкой котловины с большемысской энеолитической культурой. К данной археологической культуре были отнесены могильники Большой Мыс, Костенкова Избушка, Фирсово-11 и Тузовские Бугры I, погребение в Нижнетыткескенской пещере, погребение на Тыткескень-6, могильник Новоалтайск-Развилка. Актуальным является вопрос о принципах соотношения могильников с большемысской культурой. Анализ признаков отнесения некоторых одиночных захоронений к большемысской культуре показал их спорность. Для установления степени сходства или различия Большого Мыса с неолитическими могильниками северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины был проведен сравнительный анализ, построенный на учете относительных показателей. Для анализа привлечены данные по могильникам Большой Мыс, Усть-Иша, Солонцы-5, Лебеди-2 и Кузнецкий. В целом, следует констатировать, что по перечисленной совокупности признаков Большой Мыс имеет очень схожие черты с другими древнейшими могильниками региона, более всего сближаясь с неолитическими комплексами Кузнецкой котловины. Очевидно, что вопрос о наличии захоронений, достоверно принадлежащих к большемысской энеолитической культуре, остается нерешенным. Природа имеющих место различий между отдельными могильниками остается не совсем понятной, но они выглядят частными на фоне общих черт. Обозначить бесспорно более поздние в эпохальном плане комплексы на основании этих различий невозможно.

Ключевые слова: Лесостепной Алтай, Кузнецкая котловина, неолит, энеолит, могильник, труположение, рыбковидные нашивки, каменные клинки, сравнительный анализ.

При изучении неолита и переходного к металлу периода (энеолита) Барнауло-Бийского Приобья, северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины вопрос о характере и времени смены эпох напрямую связан с фактом выделения большемысской энеолитической культуры [Кирюшин, 1986]. Интригующая особенность ситуации заключается в совпадении ареала большемысской культуры, открытой по материалам поселений, с ареалом кузнецко-алтайской неолитической культуры, выделенной и известной исключительно по погребениям [Аникович, 1969; Окладников, Молодин, 1978]. Но, кроме «поселенческого» компонента, в большемысской культуре выделяется и компонент «погребальный». Само название культура получила по наименованию могильника Большой Мыс на оз. Иткуль, который, наряду с двумя погребениями Костенковой избушки и погребением на Чудацкой горе, Ю. Ф. Кирюшин отнес к энеолиту [Кирюшин, 1986. С. 15]. Именно на основании материалов могильника на Большом Мысу им сформулированы следующие положения: для погребального обряда большемысского

населения было характерно обилие украшений, небольшое количество каменного инвентаря и практически полное отсутствие керамики. Отмечался также смешанный антропологический тип, что объяснялось долгим взаимодействием трех компонентов – местного позднеэнеолитического (известного по могильнику Усть-Иша), позднекельтеминарского и афанасьевского [Там же. С. 15]. Рассмотрение проблемы соотношения энеолитических могильников с памятниками кузнецко-алтайской культуры ограничивалось выстраиванием хронологической последовательности – от Усть-Иши к Большому Мысу. В последующих работах автор остается на тех же принципиальных позициях – Большой Мыс является более поздним по отношению к другим раннеголоценовым могильникам региона, отличаясь от них характером сопроводительного инвентаря и антропологическим типом погребенных [Кирюшин, Кирюшин; 1998; Кирюшин, 2002]. Таким образом, обозначенный в рамках культуры ряд погребений с устойчивым набором признаков делал предложенную схему культуруогенеза более логичной и

стройной. Число погребальных памятников, относимых к большемысской энеолитической культуре, постепенно возрастало. Кроме трех указанных памятников, в работах ряда барнаульских исследователей с данной археологической культурой были соотнесены также могильники Фирсово-11 [Шамшин, 1997] и Тузовские Бугры I [Абдулганеев и др., 2000], погребение в Нижнетыткескенской пещере и погребение на Тыткескень-6 [Кирюшин и др., 1995; Кирюшин, Кирюшин, 1998]. К самым недавним находкам относится обнаруженный летом 2005 г. могильник Новоалтайск-Развилка, также определенный авторами раскопок при частичной публикации материалов как большемысский [Кирюшин, Волков, 2006].

Предложенная барнаульскими исследователями схема соотнесения погребальных памятников с большемысскими поселенческими материалами, построенная на разделении массива древнейших могильников Алтая на две разнокультурные и разновременные группы, не получила однозначного согласия специалистов. В. В. Бобров предложил признать культурное тождество большемысских поселений и кузнецко-алтайских могильников, но отнести их к своеобразной и развитой неолитической культуре, существовавшей на территории Верхней Оби [Бобров, 1998. С. 57]. Против пересмотра культурно-хронологической атрибуции Иткульского могильника¹, основываясь на планиграфических наблюдениях, типолого-морфологическом анализе сопроводительного инвентаря из погребения № 17 и данных палеоантропологического анализа, возражает В. И. Молодин, соглашаясь при этом с энеолитической принадлежностью погребений в Нижнетыткескенской пещере-1 и на Тыткескень-6 [Молодин, 1999. С. 36–53].

Вопрос о культурно-хронологической принадлежности Большого Мыса постепенно приобрел остро дискуссионный характер. Барнаульские исследователи, не соглашаясь с доводами В. И. Молодина, предложили признать, что «погребение № 17 отличается от общей системы погребального обряда и инвентаря основного комплекса могильника по положению рук, оформлению кистей и

богатству нашивок», а эти факты «дают основание относить погребение № 17 к иной культурной традиции, отличающейся от Большого Мыса» [Кирюшин и др., 2000. С. 50]. Критерии отнесения этого могильника к большемысской культуре, несмотря на большое количество публикаций по данной теме, долгое время оставались в рамках положений, изначально сформулированных Ю. Ф. Кирюшиным. Эти же критерии должны были определять самобытность обрядовых черт и других большемысских могильников. Не так давно было предложено добавить к списку признаков, характерных для погребальных памятников большемысской культуры, такие, как нахождение в межмогильном пространстве фрагментов большемысской керамики и трассологически выявленные следы обработки металлическими орудиями на артефактах из погребений [Кирюшин, Волков, 2006. С. 48; Кирюшин, Волков и др., 2006. С. 22–24].

Развивая идею одновременности, но при этом генетической взаимосвязанности Усть-Иши и Большого Мыса, ученые барнаульской школы поставили вопрос о наличии существенной разницы в обряде и инвентаре между Усть-Ишой и Кузнецким могильником. На основании этого был сделан вывод, что население, оставившее Усть-Ишу, генетически связано с носителями серовской культуры Прибайкалья, а «Кузнецкий могильник связан с Томским могильником и представляет предшествующую ему ступень развития местного населения» [Кирюшин и др., 2000. С. 52–53]. Таким образом, массив кузнецко-алтайских неолитических могильников был в очередной раз расчленен на разнокультурные группы. Самостоятельную концепцию культурогенеза неолитического населения лесостепного и предгорного Алтая позже предложила Н. Ю. Кунгурова. Она отнесла погребение № 17 Большого Мыса к кузнецко-алтайской неолитической культуре, погребения основного комплекса этого памятника на основании данных радиоуглеродного датирования считает тоже неолитическими, но отличными в культурном плане от кузнецко-алтайских памятников. Нахождение на одном могильнике синхронных, но разнокультурных погребений, исследовательница объясняет взаимодействием двух разных групп неолитического населения. Н. Ю. Кунгурова не исключает, что «кузнецко-алтайская культура... пред-

¹ Иткульский могильник и Большой Мыс – названия одного памятника, оба названия закрепились в научной литературе.

ставляет собой довольно широкое этническое образование общности, включившей в себя несколько взаимосвязанных культурных групп, которые выделены по материалам поселений, но нельзя в основе этой общности видеть только черты отдельно взятой культуры, например большемысской» [Кунгурова, 2005. С. 55].

Образовалась сложная историографическая ситуация, когда хронологическая принадлежность к неолиту ряда алтайских памятников пересмотрена, неолитический возраст могильников Кузнецкой котловины не оспаривается, культурная принадлежность Иткульского могильника даже с признанием некоторыми учеными его неолитического возраста остается неясной, а термин «кузнецко-алтайская неолитическая культура» продолжает существовать.

Действительно ли массив памятников, ранее относимых к кузнецко-алтайской культуре, неоднороден? Имеются ли критерии для более или менее достоверного отношения того или иного могильника к большемысской энеолитической культуре по типологическим критериям? Историографический обзор показывает, что постановка данных вопросов правомерна и актуальна.

В настоящее время ситуация в плане количества доступных источников по проблеме способствует решению этих вопросов. Известны материалы целой серии раннеголоценовых могильников, опубликованы данные палеоантропологического анализа раннеголоценовых серий этого региона, а также, что особенно важно, серия радиоуглеродных датировок с ряда могильников этого времени. Но нужно учесть, что в плане информативности материалы разных памятников весьма неравноценны. Во-первых, хронологический диапазон полевых исследований раннеголоценовых могильников и публикации данных составляет более полувека. Со времени первых раскопок существенно изменились как представления о методике полевых исследований, так и требования к необходимому уровню информативности при фиксации данных. Характерным в этом плане представляется сделанное в 1930 г. описание погребения на Чудацкой горе, выполненное в самых общих фразах и занимающее один небольшой абзац [Грязнов, 1930. С. 4]. В публикациях 1950–1970 гг. [Чернышов, 1953; Бородкин, 1967; 1976; Матющенко, 1963] основной

акцент делался на характеристику вещного набора, а остальные элементы погребального комплекса также описывались очень кратко, что не могло не привести к невольному игнорированию ряда порой очень важных нюансов. Во-вторых, как известно, темпы введения материалов в научный оборот всегда ниже темпов их получения и накопления в ходе раскопок, поэтому зачастую какая-то часть данных известна лишь по тезисным публикациям. В настоящий момент к таким «малоизвестным» памятникам можно отнести Фирсово-11 и Тузовские Бугры I, не полностью изучен могильник Новоалтайск-Развилка. В-третьих, часть памятников дошла до нас в разрушенном виде [Бобров, 1990; Бородкин, 1967]. В-четвертых, памятники отличаются друг от друга количеством погребений. Такие могильники, как Кузнецкий, Усть-Иша, Большой Мыс, Лебеди-2, Солонцы-5, представленные 4–17 погребениями, можно считать большими [Чернышов, 1953; Кирюшин и др., 2000; Молодин, 1999; Кунгурова, 2005; Bobrov, 1988]. Совокупность захоронений на любом из них является серией, позволяющей делать обобщающие построения. Иначе обстоит дело с одиночными погребениями, каждое из которых на самом деле могло иметь экстраординарный характер, а их индивидуальные характеристики могут отражать не только культурно-хронологическую принадлежность, но и особенности какого-то нетипичного варианта обрядовой практики. В настоящее время известны одиночные раннеголоценовые погребения в пещере Каминной, в Нижнетыткескенской пещере, на памятнике Тыткескен-6 и на поселении Костенкова Избушка [Кирюшин и др., 1995; 2000; Маркин, 2000].

Анализ историографии показывает, что сформировался блок определенных признаков, используемых при отнесении того или иного могильника или отдельного погребения к большемысской энеолитической культуре: 1) характерное укладывание кистей рук на таз; 2) общая немногочисленность инвентаря в погребениях; 3) обилие в погребениях украшений из зубов животных; 4) отсутствие в погребальном инвентаре крупных каменных клинков-бифасов и костяных вкладышевых кинжалов; 5) отсутствие в погребениях характерных восьмерковидных нашивок и нашивок в виде стилизованных рыбок; 6) наличие в окрестностях погребения

ния характерной большемысской керамики; 7) следы обработки металлическими орудиями на артефактах из некоторых погребений. Условно этот блок можно разделить на две неравные части. В первую, большую часть, входят признаки, должны отражать самобытность черт погребального обряда большемысского населения. В основном эта группа признаков сформирована на материалах одного памятника – могильника Большой Мыс, и в целом только дополняет положения, предложенные Ю. Ф. Кирюшиным еще в 1980-х гг. Вторая часть включает два признака, в основе выделения которых лежит стремление найти косвенные доказательства взаимосвязи большемысских поселенческих материалов с погребениями (находки фрагментов керамики в межмогильном пространстве) и знакомства населения, оставившего погребения, с металлом (следы металлических орудий на артефактах). Остановимся прежде на последних двух признаках.

Известно всего два случая нахождения в погребении или рядом с ним большемысской керамики: в погребении № 5 могильника Костенкова Избушка и рядом с погребением № 1 могильника Новоалтайск-Развилка. Погребения № 4 и 5 Костенковой Избушки были отнесены Ю. Ф. Кирюшиным к большемысской культуре «по ряду специфических признаков» [Кирюшин и др., 2000. С. 45]. Но в то же время автор признает, что «погребения Костенковой избушки одиночны и сложны в плане культурно-исторической интерпретации... они были частично потревожены деятельностью более поздних поселений и в своем заполнении содержали предметы поселенческого комплекса эпох бронзы, раннего железного века... в захоронениях на Костенковой Избушке не выражены черты обрядности, характерные для могильника Большой Мыс» [Там же]. Можно ли достоверно связывать немногочисленные фрагменты керамики с погребением, если его заполнение неоднократно нарушено деятельностью более позднего поселения? И, если это все же соответствует действительности, можно ли соотносить погребения Костенковой Избушки в культурном плане с захоронениями Большого Мыса при отсутствии общих черт в обрядности? В схожих условиях, когда принадлежность керамики к погребению весьма трудно доказать, был найден и фраг-

мент большемысского сосуда рядом с захоронением № 1 на могильнике Новоалтайск-Развилка [Кирюшин, Волков, 2006. С. 44].

Трасологически зафиксированные следы обработки металлическим ножом наблюдаются только в одном случае – на костяном игольнике из погребения № 2 могильника Новоалтайск-Развилка [Там же. С. 45]. Разумеется, данные трасологического анализа игнорировать нельзя. Но в данном случае они лишь уточняют датировку отдельно взятого погребения, степень сохранности которого также не позволяет с уверенностью соотнести его с другими ранними комплексами региона по характеристикам обряда. За осторожность в определении культурно-хронологической принадлежности этого захоронения говорит дата по C^{14} – $5\ 000 \pm 150$ л. н. (Je-7425) [Кирюшин, Волков и др., 2006. С. 23], чрезвычайно поздняя по сравнению с датами, полученными для других могильников.

Выводы о степени значимости признаков первой группы могут быть сделаны только при анализе материалов Большого мыса в контексте выявления степени его различия с могильниками, традиционно относимыми к кругу памятников кузнецко-алтайской неолитической культуры. Это единственный могильник из причисляемых к большемысской культуре, на котором представлена серия погребений удовлетворительной сохранности и материалы которого полностью доступны широкому кругу исследователей. Полевые исследования на могильнике проводились два раза с перерывом в 14 лет, что обусловило возникновение ряда проблем в понимании природы памятника. Ключевой является проблема соотношения шестнадцати погребений, раскопанных Б. Х. Кадиковым в 1962 г., и парного погребения, раскопанного В. И. Молодиным в середине 1970-х гг., получившего позднее порядковый номер 17 [Кирюшин и др., 2000. С. 37].

В. И. Молодин приводит следующие доводы в пользу принадлежности данного погребения к могильнику: оно расположено в непосредственной близости от раскопа Б. Х. Кадикова, схоже с ним глубиной захоронения и характером сопроводительного инвентаря [Молодин, 1999. С. 43]. После полной публикации материалов могильника стало очевидно, что тезис об идентичности инвентаря не подтвердился. Но высказанное предположение о планиграфическом един-

стве могильника по-прежнему заслуживает внимания. К сожалению, для более раннего раскопа не была сделана или осталась неизвестной топографическая привязка к местности. По свидетельству В. И. Молодина (устное сообщение), на момент начала работ 1976 г. остатки предыдущего раскопа находились под современными хозяйственными постройками, но при закладке траншеи присутствовал сам Б. Х. Кадиков, подтвердивший правильность выбора места. Описание траншеи 1976 г., план расположения могил в раскопе 1962 г. позволяют хотя бы приблизительно обозначить место погребения № 17 относительно внутренней планиграфии памятника. Это было сделано нами с использованием компьютерной программы AutoCAD 2007 с соблюдением указанных на чертежах, фотографиях и в описаниях размеров, масштаба и ориентировки. Даже с допуском погрешности в 1–2 м, учитывая приблизительный характер привязки между собой раскопов разных лет, видно, что погребение № 17 явно тяготеет к третьему, самому западному ряду, продолжая его в северо-западном направлении. Весьма показательным представляется и полное совпадение ориентировки всех захоронений могильника относительно сторон света. Подобная закономерность в расположении, общая для всех погребений, скорее всего, подтверждает их синхронность, что позволяет рассматривать могильник как единый объект при сравнении с другими памятниками.

Для установления степени сходства или различия Большого Мыса с неолитическими

могильниками северных предгорий Алтая и Кузнецкой котловины был проведен сравнительный анализ, построенный на учете относительных показателей (в процентном исчислении) присутствия того или иного признака на памятнике.

При анализе использованы данные по могильникам Большой Мыс, Усть-Иша, Солонцы-5, Лебеди-2 и Кузнецкий (см. табл. ниже). Критерий отбора памятников в сравниваемый массив – наличие нескольких погребений и зафиксированная закономерность в планиграфии. Принцип формирования списка признаков для сравнения подчинен простой логике – он отражает основные черты, присущие, согласно устоявшимся в историографии представлениям, большемысским либо кузнецко-алтайским могильникам. Этот же принцип отвечает требованию целенаправленности – степень сходства по этим признакам может определять наличие или отсутствие культурной близости.

1. Особый нюанс в труположении – кисти рук положены на таз, ноги «стянуты» вместе. Именно положение кистей на таз относится некоторыми исследователями к характерным большемысским признакам. Нами этот признак был объединен с другим – характерным «стянутым» состоянием ног, так как они практически всегда встречаются вместе, за исключением погребения № 1 могильника Солонцы-5, где кисти лежат по бокам, а ноги «стянуты» [Кунгурова, 2005. Рис. 18].

2. Наличие на могильнике погребений с малочисленным инвентарем либо вовсе без

Распределение признаков по могильникам
(в относительных и абсолютных показателях)

Могильник	Общее количество погребений	Учитывающиеся признаки	Номер признака											
			1		2		3		4		5		6	
			всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
Лебеди-2	6	4	3	75,0	3	50,0	2	33,3	2	33,3	1	16,7	0	0,0
Кузнецкий	4	3	2	66,7	0	0,0	4	100,0	3	75,0	1	25,0	0	0,0
Усть-Иша	9	6	3	50,0	2	22,2	6	66,7	4	44,4	6	66,7	4	44,4
Солонцы-5	9	9	4	44,4	4	44,4	5	55,6	4	44,4	3	33,3	2	22,2
Большой Мыс	17	8	7	87,5	8	47,1	8	47,1	0	0,0	1	5,9	1	5,9

инвентаря, с отсутствующими либо очень немногочисленными украшениями. Этот признак тоже считается особенно характерным для Большого Мыса. Но как определить степень малочисленности инвентаря? Четких общепринятых критериев для этого нет, так что при отнесении того или иного погребения к категории малоинвентарных неизбежен определенный элемент субъективности.

3. Наличие в погребениях нашивок и подвесок из зубов животных, расположение которых на костяке подчинено определенной системе. Несмотря на то, что степень украшенности разная, мы рассматриваем этот признак как единый во всех случаях, когда украшения расположены более чем в одной области костяка.

4. Наличие в погребениях крупных каменных клинков-бифасов.

5. Наличие в погребениях костяных вкладышевых кинжалов и ножей.

6. Наличие в погребениях характерных рыбковидных и восьмерковидных нашивок. Степень взаимовстречаемости этих нашивок в погребениях также весьма велика, что позволило объединить их в рамках одного признака.

Процентные показатели по первому признаку, характеризующему особенности трупоположения, рассчитывались относительно количества на могильнике тех погребений, сохранность которых позволяет его зафиксировать. Для этого в таблицу (см. выше) введена особая графа, в которой указывается число учитываемых погребений. Показатели по остальным признакам, основанным на характеристиках инвентарного набора, рассчитывались относительно общего количества погребений на могильнике. Погребения № 2 и 3 могильника Усть-Иша при анализе были объединены, так как, скорее всего, они являются элементами одного парного захоронения [Кирюшин и др., 2000. С. 11]. Погребения Большого Мыса рассматривались единым массивом, исходя из факта планиграфической включенности погребения № 17 в пространственную структуру могильника. Приведенные в таблице данные позволяют сделать определенные выводы.

Положение кистей на таз и «стянутое» состояние ног погребенных является признаком, характерным для каждого из представленных памятников. По относительным

показателям присутствия данного признака сильно сближаются между собой Лебеди-2, Кузнецкий могильник и Большой Мыс. На Усть-Ише и Солонцах-5 относительный показатель этого признака несколько ниже, но и там он приближается к 50 %.

Существенные отличия в количестве и характере сопроводительного инвентаря для разных погребений на одном могильнике наблюдается на каждом из перечисленных памятников, кроме Кузнецкого. На Усть-Ише данный показатель очень низкий, но и здесь он далек от нулевого значения. Наличие многочисленных нашивок и подвесок из зубов животных, расположение которых позволяет выделить несколько дифференцированных зон украшений на костюме погребенных, в равной мере характеризует все памятники сравниваемого массива. Каменные клинки являются характерной категорией инвентаря для могильников Кузнецкий, Усть-Иша, Лебеди-2 и Солонцы-5. В траншее 1976 г. на могильнике Большой Мыс был найден укороченный каменный клинок [Молодин, 1999. Рис. 4, 1]. Он схож с другими подобными изделиями формой и пропорциями, но меньше них по размеру. С каким-то определенным погребением его связать нельзя, поэтому для данного памятника признак будет считаться отсутствующим. Но не исключена истинность предположения В. И. Молодина, что это может быть связано с «обрядовой практикой, когда предметы помещали не рядом с захоронением, но и в достаточном удалении от последнего» [Там же. С. 37]. Костяные вкладышевые кинжалы представлены на всех могильниках сравниваемого массива, но особенно характерны для Солонцов-5 и Усть-Иши. Рыбковидные и восьмерковидные нашивки характерны только для могильников Алтая, в погребениях Кузнецкой котловины отсутствуют, что подтверждается материалами и других памятников, не вошедших в сравниваемую группу, – таких, как Каминная и Васьковский могильник [Бородкин, 1967. С. 101–107; Маркин, 2000. С. 53–64]. Для могильников Солонцы-5 и Большой Мыс этот признак может считаться редким, на Усть-Ише он распространен больше.

В целом следует констатировать, что по перечисленной совокупности признаков Большой Мыс имеет очень схожие черты с другими древнейшими могильниками ре-

гиона, более всего сближаясь с неолитическими комплексами Кузнецкой котловины. Для всего исследуемого массива погребальных памятников характерно сочетание в едином внутреннем пространстве могильника как захоронений с многочисленным и разнообразным инвентарем, так и практически безынвентарных. Погребения с характерным инвентарем – каменными клинками, костяными кинжалами и фигурными нашивками, на всех памятниках, кроме Усть-Иши, весьма немногочисленны. Для определенной части захоронений на каждом могильнике присуще своеобразное положение погребенных, с размещенными на тазе кистях и стянутыми ногами. В силу этого требует уточнения тезис Н. Ю. Кунгуровой о выделении в особый, нестандартный тип захоронений «с бедным составом украшений и без них, совершенных по обряду “положения кистей рук” на таз... чаще всего распространенных среди женщин». Сочетание положения кистей на таз и «стянутого» состояния ног с характерным «богатым» инвентарем кузнецко-алтайской неолитической культуры, надежно фиксируется в погребениях № 1 могильника Солонцы-5, № 7 могильника Лебеди-2 и № 8 могильника Усть-Иши [Кунгурова, 2005. Рис. 18; Bobrov, 1988. Fig. 3; Кирюшин и др, 2000. Рис. 10].

В пользу возвращения Большому Мысу неолитического возраста говорят даты по C^{14} , полученные для костных останков из трех погребений могильника и укладываемые в пределах первой половины IV тыс. до н. э. [Кунгурова, 2005. С. 57]. В таком ключе более понятной становится и неоднократно отмеченная в ходе палеоантропологических исследований близость краниологических серий Усть-Иши и Большого Мыса [Дремов, 1973].

Изначально существующий дефицит данных, когда на огромной территории лесостепного и предгорного Алтая было известно всего два ранних могильника, привел к тому, что Большой Мыс вынужденно сравнивали только с Усть-Ишой. Если рассматривать исключительно эти два памятника, наиболее отличные друг от друга внутри рассматриваемого массива, действительно создается впечатление разительной несхожести. Более поздняя дата Большого Мыса, предложенная Б. Х. Кадиковым на основании этого сравнения, стала своеобраз-

разной историографической константой, еще более укрепившейся после признания принадлежности памятника к особой энеолитической культуре. Анализ обобщенных данных по нескольким могильникам показывает частный характер отличий между ними при наличии роднящих общих черт. Это позволяет вернуться к вопросу о правомерности пересмотра культурной и хронологической принадлежности Большого Мыса, в особенности с учетом его синхронности с остальными памятниками, вошедшими в сравниваемый массив.

Очевидно, вопрос о характере соотношения древнейших могильников региона с большемысскими поселениями остается нерешенным, особенно при отсутствии в погребениях такого культурного маркера, как керамика. Культурно-историческая интерпретация одиночных погребений затруднена невыразительностью материала. Погребение в Нижнетыткескенской Пещере I отличается крайне необычным обрядом, что затрудняет понимание его культурно-хронологической специфики. Характеризующие обрядовую практику признаки, изначально определенные как специфичные для Большого Мыса, являются общими для неолитических могильников его ближайшего окружения. Таким образом, существующая схема, когда в основу выделения массива энеолитических погребений большемысской культуры ставится критерий их типологической обособленности, характером археологического материала не подтверждается.

Список литературы

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Пугачев Д. В., Шмидт А. В. Предварительные итоги исследования могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. С. 206–210.

Аникович М. В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск, 1969. С. 62–64.

Бобров В. В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Кемерово, 1990. С. 19–32.

Бобров В. В. Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейсто-

цена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симп. Новосибирск, 1998. С. 50–58.

Бородкин Ю. М. Материалы неолитического погребения у с. Васьково // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1967. Вып. 1. С. 101–107.

Бородкин Ю. М. Произведения изобразительного искусства из неолитических погребений Васьковского могильника // Изв. лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 99–109.

Грязнов М. П. Древние культуры Алтая. Новосибирск, 1930. 11 с.

Дремов В. А. Новые материалы по антропологии неолитического населения верхнего Приобья, Усть-Иша и Иткуль // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 204–206.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.

Кирюшин Ю. Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Кирюшин Ю. Ф., Волков П. В., Кирюшин К. Ю., Семибратов В. П. К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2006. Вып. 2. С. 15–24.

Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Особенности погребального обряда и датировка большемысской энеолитической культуры // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул, 1998. С. 254–261.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай). Барнаул, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгурова Н. Ю., Кадиков Б. Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул, 2000. 117 с.

Кирюшин К. Ю., Волков П. В. Периодизация погребения № 2 грунтового могильника Новоалтайск-Развилка // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2006. Вып. 2. С. 44–49.

Кунгурова Н. Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул, 2005. 128 с.

Маркин С. В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 2. С. 53–64.

Матющенко В. И. Яйский неолитический могильник // Сборник научных трудов исторических кафедр. Томск, 1963. С. 97–103.

Молодин В. И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири: Материалы совещания. Кемерово, 1999. С. 36–57.

Окладников А. П., Молодин В. И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 11–21.

Чернышов Н. А. Кузнецкий неолитический могильник // МИА. № 39. Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1953. С. 336–346.

Шамшин А. Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск, 1997. С. 326–331.

Bobrov V. V. On the Problem of Interethnic Relations in South Siberia in the Third and Early Second Millennia B. C. // Arctic Anthropology. Vol. 25. № 2. 1988. P. 30–46.

Материал поступил в редколлегию 17.01.2008

A. G. Marochkin

**ON THE ISSUE OF THE «BURIAL COMPONENT»
OF BOLSHEMYSSKAYA ENEOLITHIC CULTURE**

The article considers the problems of attribution of the oldest burial grounds in forest-steppe Altay and Kuznetskaya hollow to the Bolsheymyskaya culture. A number of burial grounds – Bolshoy Mys, Kostenkova Izbushka, Firsovo 11 and Tuzovskiy Bugry I, the burial in the Nizhnetytkeskenskaya cave, Tytkesken' 6, the burial ground Novoaltaysk-Razvilka

are attributed to Bolshemysskaya culture. One of the topical problems is the attribution of some sites to Bolshemysskaya culture. The author of the present article suggests a solution to this problem. The analysis of criteria of referring of some single burials to the Bolshemysskaya culture has suggested the controversial character of the criteria. In order to determine the degree of similarity or difference of Bolshoy Mys and Neolithic burial grounds of the northern foothills of Altay and Kuznetskaya hollow a comparative analysis has been carried out. During the analysis relative evidence of the presence of some of these criteria on the site has been taken into consideration. The data of Bolshoy Mys, Ust-Isha, Solontsy-5, Lebedi-2 and Kyznetsky burial grounds were also used. According to enumerated criteria Bolshoy Mys has characteristics which are very similar to other ancient burial mounds of the region, mostly to Neolithic complexes of Kuznetskaya hollow. It is obvious, that the question of burials related to Bolshemysskaya eneolithic culture still remains unsolved. The nature of existing differences between single burials is still not quite clear, however, against the background of general characteristics these differences seem to be less significant. The distinguishing of later complexes on the ground of these differences seems to be almost impossible.

Keywords: Forest-Steppe Altay, Kuznetskaya hollow, Neolithic, Eneolithic, burials, position of dead body, fishlike tabs, stone blades, comparative analysis.